

ТАКАЯ СЛУЖБА

Очерк

В. Ермолаев

Несколько лет назад к солидному перечню общественных должностей ректора Максима Матвеевича Загорюлько прибавилась еще одна заметная строка: председатель Волгоградского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы. Веских доводов в пользу этого назначения набралось достаточно.

Ректор был застрельщиком создания самого крупного у нас в стране национального отделения для студентов Чехословакии. По его инициативе заметно выросли «производственные мощности» стажерских курсов, на которых занимаются будущие преподаватели русского языка из братской страны. Скоро число выпускников этих курсов перевалит за тысячу. И теперь, приезжая по делам службы в Чехословакию, Максим Матвеевич почти всякий раз встречает здесь своих бывших воспитанников. Благодаря его стараниям надежные рабочие мосты связали Волгоградский институт и с вузом-побратимом — педагогическим факультетом города Остравы.

Сил и хлопот все это, разумеется, потребовало немалых. Но если говорить начистоту, не будь у Максима Матвеевича к этой работе личного или, как он сам в шутку выражается, «подкожного» интереса, могла бы остаться она в ряду обычных для института, текущих мероприятий. Ведь у руководителя такого крупного многоотраслевого хозяйства, как Волгоградский педагогический, и своих «домашних» забот хватает с избытком. Проблем научных, хозяйственных, учебных, наконец, просто житейских, человеческих, которые ежедневно закручиваются в такой тугий узел, что его при всем желании не разрубить сплеча.

В прошедшем юбилейном году институт стал победителем Всесоюзного конкурса на лучшую организацию учебных занятий, труда и отдыха будущих учителей. Это значит, что на него теперь равняются все другие родственные вузы, что надо идти дальше, держать свою «волгоградскую марку»...

...Ну, а если без восклицательных знаков? Если перевести патетическое «шагать дальше — шагать в завтра» на обычный будничнейший язык, на котором только и решаются мало-мальски серьезные дела? Тогда «перевод», наверное, прозвучит так: пора строить очередное общежитие, хотя острый дефицит на студенческое жилье давно ликвидирован. Нужно решать почти гамлетовский вопрос: быть или не быть в институте новому факультету, — и попутно «выбивать» квартиру для только что принятого на кафедру профессора-новосела, позаботиться о том, чтобы все студенты успевали пообедать в перерыве между лекциями, и выбрать такую тему, с которой было бы прилично выйти на очередную научную конференцию. Вот такая она, ежедневная ректорская служба, требующая, чтобы человек умел мгновенно переключаться с одного дела на другое и терпеливо вникать в чужие доводы; обладал способностью к длительному волевому напряжению и был легок на подъем. Но как не просто дается эта кажущаяся профессиональная легкость!

В начале мая, когда повсюду гремели праздничные оркестры, а у театральных колонн и «под часами» в тридцатый раз после Победы собирались немолодые люди с орде-

нами и нашивками, ехал бывший сержант Максим Загорулько в Ленинград защищать докторскую диссертацию. Тему он выбрал малоисследованную — «крупнокалиберную».

Что такое гитлеровский военный план «Барбаросса», в общих чертах знают все. Гораздо меньше известно, что в нем содержался обширный «мирный» раздел, получивший кодовое наименование — «План “Ольденбург”». О чем этот нацистский документ? О том, как «по науке» организовать экономический грабеж на оккупированных советских территориях, разорить села и деиндустриализировать промышленные центры, направить в Германию по твердому расписанию эшелон за эшелонам с ворованным хлебом, рудой, углем... А главное — как превратить всех русских, украинцев, белорусов в послушный рабочий скот, который за миску гороховой похлебки в день будет безотказно трудиться во славу фашистского рейха. Главную «идею» этого плана фюрер сформулировал следующим образом: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого огромного пирога так, как это нам нужно, с тем чтобы суметь: во-первых, господствовать над ней; во-вторых, управлять ею; в-третьих, эксплуатировать ее».

Конец этого изуверского плана известен. Он с треском лопнул, как и все прочие нацистские бредни. Почему оккупантам, несмотря на беспощадный режим кнута и виселиц, на тотальный террор и запугивание советских людей, не удалось подавить их воли к сопротивлению? Почему даже в захваченных областях и районах они не смогли полностью сломать социалистические производственные отношения? Этим непростым вопросам и была посвящена диссертация М.М. Загорулько. Ответы на них он искал в военных архивах Москвы, Ленинграда, Потсдама, где пополнил свою тематическую картотеку двадцатью тысячами выписок; в трудах экономистов, историков; в военных мемуарах. На эту работу ушло более десяти лет.

Но, наверное, Максим Матвеевич и сам не мог бы назвать точного срока рождения своей главной научной темы.

Может быть, впервые она промелькнула в сознании еще в студенческие годы, когда он, как и большинство «одноклассников», приходил на занятия в армейской шинели, а после лекций чуть ли не ежедневно участвовал в «субботниках» по восстановлению... Восстанавливать приходилось почти все с нуля.

Или — еще раньше? В коротких передышках между боями — на израненной, только что освобожденной от врага родной земле.

Нет, совсем непросто далась ему эта тема. Недаром даже сам заключительный акт публичного утверждения диссертации назван по-военному жестоко — «защита». А защищать, отстаивать свои убеждения жизнь учила смолodu.

Ректорские и многочисленные общественные обязанности, напряженная научная работа. Казалось бы, при такой загрузке, требующей мобилизации всех наличных ресурсов, человеку не до мелочей. Дорога каждая минута. Но однажды после очередной лекции ректор «вдруг» предложил студентам написать общими силами историю освобождения Острavy. Ведь этот далекий город — побратим Волгограда. Вскоре в институте начал действовать большой поисковый отряд, в который вошли и студенты чехословацкого отделения. Одновременно ушла в поиск остравская группа будущих учителей, организованная деканом педагогического факультета Густавом Рихтером. В честь приближавшегося тогда тридцатилетия Победы вся интернациональная операция студентов получила наименование «Острада-30».

Бои Советской армии за этот чешский город — всего лишь страница из летописи войны. Но сколько оказалось меж ее строк прежде не известных, волнующих подробностей, сколько невыясненных человеческих судеб! Больше пятисот фамилий советских воинов, отдавших жизнь за освобождение Острavy, десятки восстановленных солдатских биографий, благодарности, пришедшие в институт от родственников бывших фронтовиков, — таков предварительный итог этого еще не законченного поиска.

А нужны ли молодым, жизнерадостным людям, знающим о войне лишь по книгам и фильмам, такие эмоциональные «встряски»? Стоит ли передавать им нелегкий груз воспоминаний, в которых радость почти всегда «со слезами на глазах», а героическое — рядом со скорбным? Зачем им делить чью-то невыплаканную и по сей день боль? Для Максима Матвеевича это вопросы чисто риторические. Ответ на них давно ясен. Ведь для того, чтобы человек перестал быть человеком, достаточно одного — лишить его памяти. Не той механической — на факты, события, даты, которые зачастую по прошествии времени почти ничего не говорят новым поколениям, а памяти очеловеченной, пропущенной через сердце, памяти, что руководит

нашими нравственными и гражданскими представлениями о мире, о долге перед ним. Они — молодые — должны понять, что такое война, не только разумом. Лишь в этом случае не прервется эстафета, которую они обязаны нести дальше. Привычно, почти уже не вникая в смысл, мы повторяем: «Наш космический век, наше стремительное время»... Но как много при всей своей быстротечности успевает это время вместить даже в одну человеческую жизнь, сколько впрессовать в нее масштабных событий, крутых перемен, которые уже не отделить от нашей собственной биографии, от нашей личной судьбы. Вот передо мной несколько взятых наугад снимков из скромного семейного фотоархива профессора Загорулько.

...Низкорослая казачья мазанка под соломённой крышей. Подслеповатые оконца, на кольях плетня вывешенные для просушки глиняные глечики... Если бы не сам факт съемки, невозможно было бы и сказать, из какого века эта сельская картинка: из прошлого — девятнадцатого, начала нынешнего или из эпохи Тараса Бульбы?..

Оказывается, этот казачий курень — родовая «вотчина» Максима Матвеевича. А вот и он сам — на другом, соседнем, снимке. В круглой академической шапочке, в черной, ниспадающей до пола профессорской мантии — перед вполне современным микрофоном... Речь перед зарубежными коллегами по случаю присвоения ему звания Почетного члена Ученого Совета высшей педагогической школы города Острavy. Год 1977-й.

Нет в семейном фотоархиве лишь снимков на военную тему. Никто из однополчан не успел запечатлеть на память того момента, когда командир самоходки, двадцатитрехлетний сержант Максим Загорулько впервые в жизни увидел знаменитую Вацлавскую площадь в Праге, увидел сотни нацеленных на него глаз — заплаканных, ждущих, счастливых. Это было 9 мая 1945 года, когда весь мир уже салютовал Победе, а сюда на помощь пражанам еще спешили советские танковые колонны.

Некому было остановить мгновений и того памятного весеннего дня под городом

Брно, где его принимали в партию. Заявление он написал, положив листок на бревно разрушенного взрывом блиндажа. Но перед самым голосованием вышла заминка. Нужно было сдать комсомольский билет, а его у сержанта Загорулько не оказалось. Накануне в тяжелом бою его самоходка была подбита. Он выпрыгнул из люка и покатился по земле, пытаясь сбить пламя сгоревшего на нем комбинезона. Все окончилось в тот раз благополучно, если не считать, что на груди — там, где был карман с документами — комбинезон прогорел насквозь... За утрату комсомольского билета его, конечно, «взгнали». Но, учитывая смягчающие — боевые обстоятельства, в партию приняли единогласно. В новый бой сержант Загорулько шел уже коммунистом.

Как стремительно летит время. В кабинете ректора Волгоградского пединститута стоит немудреная на вид ваза. Скорее, даже не ваза, а крупный глиняный стакан, напоминающий орудийную гильзу. В ней — несколько пучков местной степной пшеницы. Гостей у Максима Матвеевича бывает достаточно — преподаватели из Москвы, Ленинграда, Ростова, Чехословакии. Но хлебная «гильза» не пустеет. Тяжелые, налитые зерном колосья, — это уже второй урожай со знаменитого «солдатского поля», которое начинается буквально за городской чертой.

Начиненное тысячами стальных осколков, неразорвавшихся мин и снарядов, долгое время оно считалось бросовым, мертвым. Казалось, здесь не то что работать, но и дышать было небезопасно. Но вот сюда пришли люди: сначала саперы, потом и пахари. И весной, через тридцать лет после войны, на поле вспыхнули зеленые строчки всходов. Появился, может быть, самый удивительный на земле памятник. В честь тех, кто ценой жизни прикрыв от огня это русское поле, кто хотел, чтобы над ним вечно шумели колосья.

Ведь мертвой земли нет и не будет, если только каждый из нас вспомнит о своем солдатском поле и оставит в нем хотя бы одно полное зерно.

«Учительская газета», 1978